

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета ПетрГУ

*kafrus@psu.karelia.ru***КОНСТРУКЦИИ С СЕГМЕНТАЦИЕЙ
В СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ**

Статья посвящена типологии и функционированию сегментированных конструкций в стихотворных жанрах эпохи Карамзина и Пушкина. Материал публикации демонстрирует активизацию конструкций «представления» в художественной литературе «нового слога».

Ключевые слова: сегментированные конструкции, именительный «представления», инфинитив «темы», поэтическая речь

История бытования сегментированных конструкций в русском литературном языке не получила пока сколько-нибудь подробного освещения, однако не вызывает сомнения тот факт, что предложения с синтаксически независимой позицией «темы» заметно активизируются сравнительно поздно, лишь в XVIII столетии – в произведениях писателей-сентименталистов, а в XIX веке конструкции представления становятся одной из стилистических фигур русской поэтической речи. В течение второй половины XIX столетия степень употребительности сегментированных высказываний снижается, а с конца 50-х годов XX века именительный представления становится характерной приметой газетно-публицистического и художественного стилей языка [1–4].

Конструкции представления, которые не столь синтаксичны, сколь психологичны по своей природе, вероятно, всегда составляли потенциальную принадлежность языковой системы и в этом смысле, по мнению З. К. Тарланова, отличаются «от номинативного предложения своим безразличием к истории. Конструкции представления всегда присутствуют в языке. Если они не зафиксированы

в тот или иной период истории языка, то это значит только то, что соответствующие тексты не нуждались в подобном эмоционально-психологическом наполнении, в реальной мобилизации этих конструкций» [5]. Активизация сегментированных фраз совпадает с формированием литературы «нового слога», которая стремилась отразить внутренний мир личности, «диалектику чувств», а также сблизить книжно-письменный язык в отношении структуры и интонации предложения с естественной, устной разговорной речью, для которой конструкции с двойным подлежащим – разговорный субстрат именительного темы – очень характерны.

Начало разработке теории сегментации было положено в трудах Ш. Балли, который предложил называть структуры, состоящие из двух частей – «темы» (предмет речи) и «повода» (то, что говорится о предмете речи), – сегментированными [6]. В русской грамматической традиции первым, кто обратил внимание на подобного рода построения, стал А. М. Пешковский, назвавший сегмент, вводящий тему дальнейших размышлений, «именительным представления» [7].

Однако вплоть до 1960-х годов, когда активизируется интерес лингвистов к синтаксису разговорной речи и экспрессивным ресурсам грамматики, сегментированные конструкции не попадали в центр языковедческих поисков.

Конструкции с сегментацией интонационно и синтаксически членятся на два отрезка: «тема», открывающая предложение, и следующая за ней часть, содержащая анафорическое, коррелирующее с именем – сегментом, местоимение. Это построение с так называемой «репризой» оказывается зеркальным отражением структуры с «антиципацией» («местоимение + раскрывающее его значение обособленное приложение»). Сегменты могут отделяться от последующей части высказывания с помощью запятой, тире, тире с запятой, а также более эмоциональных восклицательного знака и многоточия:

Покойся, мой народ,
не дремлет твой хранитель,
Так, мой народ!
Творец, он весь в душе моей... (Ж., 209)
Мои ж надежды – что они? (Я., 262)
Твои враги... они чужбине
Отцами проданы с пелен... (Я., 401)
И не зови твоих товарищей-друзей
Пображничать с тобой до утренних лучей:
Друзья, они придут
и шумно запируют... (Я., 358)
Предрассудок! он обломок
Давней правды. (Б., 197)

Именно с помощью более «сильных» и эмоциональных знаков чаще всего обособляется именительный представления, при этом в качестве сегмента выступают обычно отвлеченные имена, реже – нереферентно употребляемые конкретные нарицательные и собственные существительные.

Личное или указательное местоимение может замещать целый ряд имен из сегмента – «темы»:

И роскошь, и слава, и Вакх, и Эрот –
Лишь сердце они изнурили... (Ж., 211)
И щит его, и метки стрелы –
Они спасут от алчной Гелы. (Бат., 176)
Гробницы, урны, пирамиды –
Не знаки ль суетности то? (Ж., 5)
Известность, слава, что они?... (Л., 1, 190)

В отдельных случаях сегмент соотносится с повторяющим его в основной части именем:

Любовь – но что любовь? Она
Без Вакха слишком холодна. (Я., 97)

Иной тип построений – конструкция с именительным темы без коррелирующего с ним местоимения в основной части высказывания:

Желанья!.. что пользы напрасно
и вечно желать? (Л., II, 41)
Рим! всемогущее, таинственное слово! (Б., 242)

Здесь именительный представления уже не выступает в качестве осложняющего содержащее его предложение сегмента. По степени грамматической самостоятельности такие синтагмы с функцией «темы», открывающие предложение и не соотнесенные с последующим анафорическим элементом, сближаются с однофункциональными синтаксически автономными высказываниями:

А человек! Святая дева!
Перед тобой с его ланит
Мгновенно сходят пятна гнева... (Б., 142)

Предикативный вес и условия употребления инфинитива темы также могут быть различными, ср.:

Довольным быть, неприхотливым,
Сие то есть, что быть счастливым... (Дер., 194)
Любить... но кого же?... (Л., II, 41)

Самостоятельность и объем осложняющего сегмента увеличиваются благодаря распространению его придаточными частями, обособленными оборотами, вставками, так что расчленяется уже сама синтагма «темы»:

Пиндар, каких и не бывало,
Который мог бы мало-мало
Еще не том, ни три, не пять,
А десять томов написать, –
Зачем так рано он скончался? (Ж., 240)
Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый... (Ж., 157)
Тильзит!.. (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс) –
Тильзит надменного героя
Последней славою венчал... (П., 252)

В поэтических текстах конца XVIII – первой половины XIX века нередко встречаются аналитические конструкции с сегментом, формально не уподобленным последующему местоимению, – структуры, напоминающие предложения с абсолютными обособленными оборотами:

Сократ ли, истины учитель,
Или правдивый Аристид, –
Мне все их имена почтенны
И истуканы их священны. (Дер., 144)
Молитвы!.. нет тому в них нужды,
Кто мудрыми боготворим... (Дм., 382)
Эмма, то, что миновало,
Как тому любовью быть! (Ж., 322)
...О кудри мягки, их дыханье
Благоуханней пышных роз... (Л., 156)

По всей вероятности, сегменты, не согласованные с анафорическими местоимениями, распространились под влиянием французской поэзии. В русской разговорной речи такое вынесение на первое место именительного темы, соотносимого с косвенно-падежной формой местоимения, иногда встречается [8 и др.], но в целом подобное «асинтаксически характеризующее... нетипично для русского языка» [9].

Часто сегмент открывается союзом (*а, но, и, однако*), присоединяющим содержащее его предложение к предшествующему в структуре текста:

Читает она –
Поэта Светланы,
Вольтера, Парни...
А Скотта романы –
Ей праздник они. (*Я.*, 138)
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память, слезы первых лет –
Кто устоит противу них? (*Л.*, 1, 147)
Однако ж этот бич, который всех страшит,
Готов до самого Денниса в том сослаться,
Что, право, он не столь ужасен,
может стать... (*Дм.*, 111)

Активно используемый поэтами первой половины XIX века прием – повтор личного местоимения: местоимение в сопровождении присоединительного союза в абсолютном начале предложения интонационно обособляется от последующей части высказывания с повторяющимся дейктическим компонентом. Такие конструкции в функциональном и ритмо-мелодическом отношении сближаются с сегментированными. В качестве «сегмента» выступает здесь не слово с номинативной семантикой, а личное местоимение 1-го или 2-го лица, которое в условиях поэтического текста фактически утрачивает конституативную обусловленность, оказываясь единственным средством номинации лирических субъекта и адресата (причем референтная сфера стихотворного дейксиса способна расширяться во времени и пространстве, если иметь в виду потенциальность «наадресата» (термин М. Бахтина) стихотворения – то есть читателя, которому окажутся близкими выраженные в нем мысли и чувства):

А вы... вы в персть преобшенны... (*Дм.*, 316)
А я – напрасно я Киприду
Моей богиней называл... (*Я.*, 161)
А ты, ты ябедник, шпион,
торгаш и сводник. (*Б.*, 208)
Но мы... смотря, как наше счастье тленно,
Мы жизнь свою
дерзнем ли презирать? (*Ж.*, 319)
А ты – верна ли ты? (*Я.*, 111)

С другой стороны, оформляемые с помощью союза начальные синтагмы с местоимением или именем, оказываются в интонационном плане подобными также риторическим вопросам в диалоге лирического героя с воображаемым собеседником или самим собой.

Еще один тип построений, смежных с сегментированными, – предложения с постпозитивным по отношению к однородному ряду обобщающим словом (местоимением *все, все, никто, ничто*):

Египет, Фец, Марок, Стамбул, страны Востока –
Все завоевано крестившимся вождем... (*Ж.*, 329)
Поэт, политик, победитель –
Все от него успеха ждут... (*В.*, 89)
...Бывало, ни Борей
Суровый, ни Феб, огнем своих лучей
Мертвящий всякий злик, ни град.

.....
Ни снег и дождь – ничто неймет его... (*Я.*, 396)

Подобно анафорическому местоимению в конструкции с «репризой», обобщающее слово замещает собой названные ранее предметы, между ним и сочиненным рядом складываются особые отношения – конкретизации обобщения. Правда, интонация в этом случае оказывается иной: не «ожидательной» (если пользоваться определением И. П. Распопова), как в конструкциях с именительным темой, а «подытоживающей», более нейтральной. К тому же, если позиция сегмента в предложениях с «репризой» может быть только начальной, то однородный ряд относительно свободен в своей локализации.

Поэзии сердца,
все чувства – все подвластно. (*К.*, 60)
...В любви ж всегда мы ею
И сами счастливы, и счастье даем,
Словами, взорами, слезой,
улыбкой – всем. (*К.*, 249)

Тогда бы люди, даже жизнь моя
В однообразном северном краю,
Все б в новый блеск оделось!.. (*Л.*, 1, 206)

В случае препозиции обобщающего слова между ним и однородным рядом складываются отношения пояснения:

...все в движении: флер, шляпки и корсеты,
Картоны, ящики, мужья и сундуки... (*Дм.*, 125)

Интонационное обособление сочиненной группы, а также особенности координации форм обобщающего местоимения и сказуемого позволили А. Г. Рудневу [10] прийти к выводу о том, что однородный ряд оказывается на самом деле не однофункциональным местоимением, выполняющая функцию приложения и обладая имплицитной предикативностью. Поэтому разграничение сегментации и обособления – задача не всегда легкая, и особенно в условиях поэтического контекста, где идентифицирующее и характеризующее значения часто переплетаются в лексической и грамматической семантике словоформы. Вот один из примеров подобного взаимопроникновения, синкретизма:

...поэт,
Призраками богатый,
Беспечностью дитя, –
Он мог бы жить шутя... (*Ж.*, 125)

Необычным оказывается употребление обобщающего местоимения не при сочиненном ряде,

а для замещения одного имени, которое в этом случае имеет либо значение совокупного целого, либо форму множественного числа:

И этот подлый, гнусный цех,
Союзник беглого портного,
Все прочь и прочь! Долой их всех! (Я., 403)
Сердца сладостные муки –
Все прости... его уж нет! (Ж., 97)

Функции однородности, обособления и сегментации тесно переплетаются и в случае интонационного выделения сочиненной группы личных местоимений при постпозитивном обобщающем, «объединяющем» мы:

Вот и я, мы служим
 двум фортунам... (В., 186)
Ты, проповедник и герой
Академической свободы,
И я – давно мы жребий свой
Переменили на иной... (Я., 332)

К пограничным конструкциям можно отнести также переходные от обращения к сегментации структуры с вынесенным в начало высказывания личным местоимением 2-го лица, за которым следует придаточная часть или обособленный оборот, характеризующий адресата, завершающиеся более продолжительной паузой, произносимые, скорее, не со звательной, а с «ожидательной» интонацией воспоминания, что оформляется с помощью тире. Такие синкретичные по функции конструкции возможны в условиях поэтического контекста, наделенного свойствами «превращенной», фиктивной коммуникации:

Ты, коего искусство
Языку нашему вложило мысль и чувство,
Под тенью здешних древ –
 твой деятельный ум
Готовил в тишине созданье
 зрелых дум! (В., 165)
Ты, мной воспетая давно,
Еще в те дни, как пел я радость
И жизни праздничную сладость,
Искрокипучее вино, –
Тебе привет мой издалеца... (Я., 309)

В силу особых коммуникативных условий риторические обращения в лирическом тексте вообще тяготеют к превращению в конструкции представления.

Итак, ядро конструкций с осложняющим формальную структуру предложением сегментом составляют структуры с так называемой «репризой» («именительный или инфинитив темы + анафорическое местоимение в функции подлежащего»). Периферийными, смежными оказываются конструкции с повтором личного местоимения, а также с препозитивным сочиненным рядом при обобщающем дейктическом слове. В целом, состав сегментированных структур оказывается в описываемую эпоху не столь разнообразным по сравнению с последующим периодом.

По словам Г. Н. Акимовой, «экспрессивная и эстетическая функции именительного представления отражают прагматическую сторону высказывания, ее воздействующее начало. Стилистическое выделение сегмента на нейтральном фоне является намеренным» [11]. Действительно, сегментация играет немало важную роль в формировании авторизирующего начала, указывающего на личность автора как источник художественной информации, «на субъект... восприятия, констатации или оценки явлений действительности» [12]. Сегментация, как и другие средства авторизации, направлена на установление контакта между автором и читателем с целью обеспечения успешной дешифровки текста, актуализации заложенных в нем смысловых и эмоциональных центров. Автор, стремящийся спрогнозировать процесс восприятия текста и выступить регулятором его понимания, использует имеющиеся в распоряжении средства для того, чтобы сфокусировать внимание получателя информации на особенно важных, с точки зрения отправителя, элементах дискурса.

Интонационно выразительные, обычно эмоциональные сегментированные конструкции часто заключают в себе ключевые мотивы, образы стихотворения:

Любовь... но я в любви нашел одну мечту,
Безумца тяжкий сон,
 тоску без разделья... (Ж., 77)
И безразлично, в их речах,
Добро и зло, все стало тенью... (П., 308)
А слава... луч ее случайный
Неуловим. (П., 360)

Сведения, размещенные в сегменте, акцентируют внимание на внешних и внутренних характеристиках героя, его физическом и психическом состоянии (как правило, отнесенных к плану прошлого или ирреального):

Ласково-детские речи,
 улыбка сих уст пурпуровых,
Негой пылающих, – все
как весенней водой уплыло! (Д., 268)

И стан, завидный для харит,
И ясность райского лица,
Чело, достойное венца,
И грудь, белейшая лилей,
И кольца ангельских кудрей,
И голос – лепет ручейка,
И ножка – право, в полвершка,
И, словом, все пленяло в ней... (Я., 118–119)
Твоя прелестная стыдливость,
Твой простодушный разговор,
И чувств младенческая живость,
И гибкий стан, и светлый взор –
Они прельстят питомца света... (Я., 126)
Монах храпит и чудный видит сон.
Казалось ему, что средь долины,

.....
 Вокруг него сатиров, фавнов сонм.
 Иной смеясь льет в кубок пенны вина,
 Зеленый плющ на черных волосах,
 И виноград, на голове висающий,
 И легкий фирз, у ног его лежащий, –
 Все говорит, что вечно юный Вакх,
 Веселья бог, сатира покровитель. (П., 12)
 Ты мертвецу святыней слова
 Обручена.
 Увы, твой страх, твой моленья –
 К чему оне? (Л., II, 69)

Номинативные ряды, образующие сегмент, могут создавать впечатление фрагментарности, калейдоскопичности восприятия окружающего мира, передавать детали пейзажа (воображаемого, вспоминаемого, реального):

Север бледный, север плоский,
 Степь, родные облака –
 Все сливалось в отголоски... (Б., 219)
 Река, надводный темный лес,
 Высокий берег – все дремало... (Ж., 349)
 Леса угрюмые, громады мшистых гор,
 Пришельца нового пугающие взор,
 Свинцовых моря вод безбрежная равнина,
 Напев томительный протяжных песен финна –
 Не долго, помню я, в печальной стороне
 Печаль холодную вливали в душу мне.
 (Б., 103)

Оставленная пустошь предо мной

 Зеленый мох, растущий над окном,
 Заржавленные ставни – и кругом
 Высокая полынь – все, все без слов
 Нам говорит о таинствах гробов. (Л., I, 120)
 Когда за городом, задумчив, я брожу
 И на публичное кладбище захожу,
 Решетки, столбики, нарядные гробницы,
 Под коими живут все мертвецы столицы,
 В болоте кое-как стесненные рядком,
 Как гости жадные за нищенским столом,
 Купцов, чиновников усопших мавзолей,
 Дешевого резца нелепые затеи,
 Над ними надписи и в прозе и в стихах
 О добродетелях, о службе и чинах;
 По старом рогаче вдовицы плач амурный;
 Ворами со столбов отвинченные урны,
 Могила склизкие, которым также тут,
 Зеваючи, жильцов к себе на утро ждут, –
 Такие смутные мне мысли все наводит,
 Что злое на меня уныние находит. (П., 585)
 Зима идет, и тощая земля
 В широких лосинах бессилья,
 И радостно блиставшие поля
 Златыми класами обилья,
 Со смертью жизнь, богатство
 с нищетой –
 Все образы години бывшей
 Сравняются под снежной
 пеленой... (Б., 189)

Вообще, контексты, в которых используется сегментация, обычно связаны с лирическим переживанием прошлого, с фиксацией момента воспоминания:

Все, что прежде кипятило
 Чувства свежие твои,
 Ты забыл. *А юность наша,*
 Хороша была она... (Я., 347)
 Ах, *молодость моя*, зачем она прошла!

 ...она, *прибежище и сила*
 И первых нежных чувств
 и первых смелых дум,
 Томивших сердце мне и волновавших ум,
 Она – ее уж нет,
 любви моей прекрасной! (Я., 414)
 И *этот образ*, он за мною
 В могилу силится бежать... (Л., 1, 129)
 Сей *взор невыносимый*, он
 Бежит за мною, как призрак... (Л., 1, 146)

Сегмент, таким образом, участвует в создании категории ретроспекции. Благодаря сегментации совершается дополнительная манифестация субъектно-адресатной перспективы лирического текста и иных дейктических сфер:

А я, я, с памятью живых твоих речей,
 Увидел роскоши Италии твоей! (Б., 204)
 А *мне*, мне предоставь
 таить огонь бесплодный,
 Рожденный иногда воззреньем
 красоты... (Б., 132)
 А я – студенческому миру
 Сказав задумчиво: прощай,
 Я перенес разгульну лиру
 На Русь, в отечественный край... (Я., 333)
 А я... какая мне дорога
 В гурьбе поэтов-удальцов? (Я., 243)
 Она – в сем слове милом
 Вселенная твоя... (Ж., 133)
 А я – я вновь взмолился на Парнас (П., 15)
 А вы, вы модный господин... (П., 292)
 Но я, *дотоле твой поклонник безотрадный*,
 В обитель скорбную
 сойду я за тобой... (П., 300–301)

В стихотворениях, представляющих собой воображаемый диалог или автодиалог – само-рефлексию, акцентуация личных местоимений информативно и прагматически значима. Сегментированные конструкции включаются в поэтический текст при передаче чужой речи, внутреннего диалогизированного монолога, воспроизводя интонации, перебивы естественного речевого потока:

– «И мне такая ж участь, Шмель! –
 Сказал ему я, вздыхая. –
 Я, лучшим следуя певцам,
 Пишу, пишу, тружусь, потею
 И *рифмы*, точно их кладу... (Дм., 374–375)
 – А мир стихов? Но мир стихов,

Как все земное коловратный,
Наскучил мне и нездоров!...

.....

Стихи – куда их мне девать?

.....

– В «Московский вестник»? – Трудно, брат...
(Я., 258)

Читатель

И я скажу – нужна отвага,
Чтобы открыть хоть ваш журнал
<...>

Во-первых, *серая бумага*,
Она, быть может, и чиста,
Да как-то страшно без перчаток... (Л., II, 44)

Сегмент нередко участвует в создании фигур речи – обычно повтора (1) или антитезы (2), которая может «сниматься» контекстом:

(1) И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды –
Все мило мне... (Я., 258)

(2) Богач и нищ, рабы с царями,
Все равно оставляют свет. (Дер., 38)
Они шутили, улыбались,
Моею страстью забавлялись;
А я – я слезы лил рекой! (К., 163)
И царь, и раб его, безумец и мудрец,
Невинная душа, преступник, изверг злобы –
Исчезнут все как тень – и всем один конец...
(К., 201)

На что мне памятники горды?
И скиптр, и посох – все равно... (Ж., 7)
Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он – пронзенный в грудь –
безмолвно он лежит... (Л., I, 278)

Еще одна важная функция сегментированных построений – текстообразующая, поскольку сегмент и последующая часть высказывания анафорически «соединены цепной местоименной связью» [13]. Конструкция представления, нередко оказываясь зачином стихотворения, «сосредоточивает на себе максимум внимания», а выделяемый ею предмет «становится объектом наблюдения, анализа, раздумий» [14], к которым автор как бы приглашает читателя. Так, например, в философско-поэтическом сборнике «Сумерки» именительный темы неоднократно используется Е. Баратынским в качестве текстоформирующей доминанты, имитирующей сам внутренний мыслительный процесс:

Все мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец ее! Тебе забвенья нет...
Резец, орган, кисть! счастлив кто влеком
К ним чувственным,
за грань их не ступая! (Б., 195)

Предрассудок! он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал. (Б., 197)

Бедный старец! Слышу чувство
В сильной песне... Но искусство...
Старцев старее оно;
Эти радости, печали –
Музыкальные скрыжали
Выражают их давно! (Б., 198)

Именительный темы в зачине с точки зрения актуального членения выступает в качестве ремы.

Большая часть сегментов оказывается размещенной в «сильных» позициях строфы – начало или (редко) конец стиха, целая строка (или несколько стихов). Употребление местоимения после именительного темы в позиции енjamбемента усиливает связь анафорического слова с предшествующим существительным, что выявляет «потенциальную артиклевость местоимения» [15]:

России слава, царств спасенье,
Наук, торговли оживленье,
Союз властей – покой, досуг,
Уму и сердцу вождь денный, –
О! Сколько, сколько счастья вдруг! (К., 308)
Другой... старик... сколько был он изумлен
Тогда, как смерть, ошибкою ужасной,
Не над его одряхшей головой,
Над юностью

обрушилась прекрасной! (Ж., 180)

Приют любви, он вечно полн
Прохлады сумрачной и влажной... (Л., 309)
И этот звон люблю я! <...>

...Всегда один,
Высокой башни мрачный властелин,
Он возвещает миру все, но сам –
Сам чужд всему –
земле и небесам... (Л., I, 222)

Как показали наши наблюдения, интонационно и эмоционально выразительные конструкции с сегментацией становятся достоянием поэтического языка в последние десятилетия XVIII века – в эпоху Державина, Карамзина и Дмитриева, которые первыми в лирическом роде выразили стремление подчинить художественный слог требованию разговорной легкости и гибкости. Эта реформаторская тенденция была активно поддержана поэтами «школы гармонической точности» – Жуковским, Батюшковым и их младшими современниками. Частотность сегментов, осложняющих структуру содержащего их предложения, достигает максимальных показателей в поэзии Крылова, Жуковского и Языкова.

Таким образом, сегментированные структуры более свойственны жанрам с ярко выраженным медитативным, «философическим» началом (прежде всего элегиям), а также текстам, богатым интонациями естественной, непринужденной речи. Используя сегментированное построение, автор словно бы приглашает читателя к диалогу, совместному поиску истины, размышлению, переживанию, выдвигая предмет, тему воображаемого разговора в «сильную», ритмо-мелодически выделенную позицию.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Б.* – Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1989. 462 с.
2. *Бат.* – Батюшков К. Н. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 380 с.
3. *В.* – Вяземский П. А. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1982. 462 с.
4. *Д.* – Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. 369 с.
5. *Дер.* – Державин Г. Р. Сочинения. М.: Правда, 1985. 575 с.
6. *Дм.* – Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. 480 с.
7. *Ж.* – Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.; Л.: Худ. лит., 1959. 424 с.
8. *К.* – Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 502 с.
9. *Л., I* – Лермонтов М. Ю. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Л.: Сов. писатель, 1989. 687 с.
10. *Л., II* – Лермонтов М. Ю. Полн. собр. стихотворений. Т. 2. 686 с.
11. *П.* – Пушкин А. С. Соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1985. 735 с.
12. *Я.* – Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 706 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарланов З. К. Конструкции представления // Тарланов З. К. Язык. Этнос. Время. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1993. 223 с.
2. Акимов Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высш. шк., 1990. С. 113.
3. Попов А. С. Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М.: Наука, 1964. С. 256–274.
4. Попов А. С. Сегментация высказывания // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. С. 302–321.
5. Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 159.
6. Балли Ш. Французская стилистика: Пер. с франц. М.: Иностран. лит., 1961. С. 358–359.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. С. 407.
8. Русская разговорная речь / Под ред. Е. А. Земской. М.: Наука, 1973. С. 243.
9. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб.: Наука, 1992. С. 206.
10. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. М.: Высш. шк., 1968. С. 172.
11. Акимов Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка... С. 111.
12. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. С. 263.
13. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика: (сложное синтаксическое целое): Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1991. С. 141.
14. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика... С. 141.
15. Зубова Л. В. Реставрация древних грамматических свойств и отношений в поэзии постмодернизма // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 315.